

Серафима Новикова никогда не летала на вертолёт; на самолётах — да, приходилось, но вертолёт так близко она видела впервые в жизни, а предстояло лететь. Пассажиров до Бочан набралось немного, восемь человек: суровые бородатые мужики с рюкзаками за спиной, женщина с испитым лицом и она, редактор сибирской газеты, которая волей обстоятельств вынуждена лететь в Бочаны. Вчера Сима позвонила мужу и сообщила о незапланированной командировке, на что он только устало вздохнул:

— Ой, газетчица, ну что ты сама все дыры стараешься закрыть?! Разорвёшься.

— Русланчик, ты думаешь, я хочу лететь? Ошибаешься. Но кто виноват, что ребёнок у Ольги заболел?

— Ну а кроме тебя лететь в командировку некому?

— Если ты на мой возраст намекаешь, то я некоторым молодым фору дам.

Она решила обидеться.

— Ни на что я не намекаю. Только муж из дома, как жена в командировку собирается. Кот из дома — мыши в пляс! Не нравится мне это, и всё. Не нравится.

— Какие мыши?! Ну это же всего на неделю. Разберусь и тут же назад вернусь. Всё равно вертолёт летает только раз в неделю. А ты как раз к этому времени домой вернёшься. За расставанием будет встреча!

— Ой, газетчица! Бунтарский у тебя характер. Веди себя прилично! К лесорубам не приставай! — пошутил он.

— Не буду,— она засмеялась, потому что ощутила: Руслан понял её, проникся и просто переживает, чтобы у неё всё было на работе хорошо.

Сегодня в поездку она была одета налегке, в брюках и кофточке, а в небольшом дамском портфельчике просто так, на всякий случай, лежала ветровка.

Вертолёт набирал высоту. У Симы заложило в ушах, но вдруг, в какое-то мгновение, она ощутила себя в огромном пространстве, будто в кресле посреди неба, а внизу, под ногами, крошечный город с крошечными домиками и машинками. А потом началась тайга, как в известной песне — море тайги, и в этом роскошном зелёном пространстве улавливались оттенки изумрудного, травяного, малахитового, салатного, словно платье шили разные мастерицы и каждая выбирала свой любимый оттенок.

— Господи! Как красиво! — не удержалась она, глядя в иллюминатор.

Бородач-пассажир посмотрел на неё удивлённо, и она уловила в его глазах насмешку: городская, всё ей в новинку.

Серафима наслаждалась новыми ощущениями и думала о том, что, когда вернётся из Бочан, сделает близким подарок — прогулку под облаками на вертолёте. А почему нет?

На маленьком аэродроме, куда приземлился вертолёт, Серафиму уже встречал пожилой мужчина, одетый не по летней погоде — в клетчатую тёплую рубашу с длинными рукавами. Он выглядел как больной старик: под глазами большие мешки, а лицо покрыто морщинами.

— Вы журналистка из Красноярска?! Я редактор местной районки, Николай Усков,— от него пахло перегаром.

«Да уж,— подумала Сима,— в пору закусить огурчиком. Вот это редактор. Лет сто на вид, не меньше».

Но первое впечатление может быть и обманчивым.

— Николай, а по отчеству? — Сима протянула ему руку.

— Без отчества,— буркнул он.— Просто Николай.

— Ну, тогда я просто Серафима,— с улыбкой сказала она.

— Как долетели?

— Спасибо, никогда не видела таких красот. Удивительная у нас природа в Сибири. А где ваш коллега, Дмитрий Сероголазов, с которым мы созванивались, списывались по электронке? Надеюсь, мы сейчас прямо в редакцию?!

— Не получится,— Николай угрюмо смотрел куда-то под ноги.

— Значит, попозже сегодня получится, раз он в лесу,— обнадеживающе сказала Новикова.— Я ведь за этим и прилетела.

— Не получится,— повторил Николай, и повисла пауза, где было слышно, как лениво зудели мухи от летней жары.

Пассажиры давно разошлись по своим делам, вертолёт замер на поле и только Серафима с Николаем стояли, не двигаясь.

— Умер Димка, погиб.

— Как умер? Как погиб? — растерялась Серафима.

— Как в лесу погибают? Деревом придавило.

— Каким деревом? Что вы говорите? Что за бред?! А почему тогда нам не позвонили?!

— Не знал я, что вам нужно звонить. По каким делам вы сюда летите, говорю как есть. Лес тут, дамочка, тайга, а в тайге всякое бывает.

— Я не дамочка тебе,— Сима вдруг решила не церемониться.

То, что человек, к которому она летела, погиб, не укладывалось в голове. Надо было сразу расставить всё по своим местам.

— Я журналист! Пошли,— скомандовала она ему.

— Куда пошли?

— В редакцию, где ты руководишь. Раз уж я прилетела, а ты меня встретил. Не будем же мы целый день на лётном поле стоять. Пошли, а там разберёмся. Расскажешь мне всё подробно. У меня пока информация в голове не укладывается.

— Пошли. Нам на автобусную остановку,— согласился Усков, и они двинулись по пыльной дороге.

Вдруг Серафима почувствовала, что за ними наблюдают. Коренастый мужчина угрюмой внешности старательно отворачивался куда-то в сторону, но она поймала на себе его пристальный, словно покалывающий взгляд.

Пузатый автобус, в котором они поехали, трещал, будто трактор, и пыльное облако, что поднималось по дороге, растворило в себе и лес, и белёдые, словно зубы, сопки. Вокруг плавала только пыль и ещё пыль, словно приехала Сима не в лесной массив, а в африканскую пустыню Сахара.

Районная газета располагалась на первом этаже старого жилого дома. Здесь почему-то пахло супом и гречневой кашей; запах был стойкий, как в столовой.

— Вентиляция в здании никакая, — пояснил Усков. — Так и работаем, знаем, что на кухнях готовится на обед и ужин в каждой квартире. Проходите, располагайтесь.

— «Адварпяаксначоб», — прочитала наоборот вывеску Серафима.

— Чего? — не понял Усков. — У нас этого нету.

— Ну, нету — и не надо, — миролюбиво сказала Новикова. — Это название газеты наоборот — «Бочанская правда».

— А-а-а-а-а, — уныло отозвался Усков, — шутите так, — и добавил: — Проходите.

Серафима огляделась. Какие уж тут шутки. Но, собственно, располагаться особо было негде: две небольшие комнаты, которые плотно заставлены столами и компьютерами.

— Да, тесновато у вас, — произнесла Новикова.

— Ничего, мы здесь все хорошо уживаемся, — молодой женский голос принадлежал кому-то за последним компьютером. — Это вы у себя в городе жируете!

— Жируем, — согласилась Серафима, не имея ни малейшего желания вступать в дискуссию.

И вообще, она устала после перелёта, потрясена оттого, что узнала о смерти журналиста. Ей бы сейчас чашечку кофе, а её потчуют запахом каши с прогорклым маслом. Более того, журналист, на встречу с которым она договаривалась и который пообещал ей убойный материал, подтверждённый документами, погиб. Что за напасть? Зачем она прилетела? Жирует она, видите ли! Да она пашет по двадцать часов в сутки, вот и сюда притащилась за обещанной газетной сенсацией, которая на поверку оказывается уткой. Всё это не укладывалось в её, Симиной, голове. Развернуться и улететь назад?

— Шура, ты бы лучше кофе гостье, да и мне заодно, сделала. И определила её на ночлег,— обратился к девушке Усков.

— Счас.

Шура вышла из-за стола и подошла к Серафиме поближе. Местная журналистка оказалась миниатюрной, как куколка, с жёлтыми соломенными волосами и голубыми глазами.

— Меня Александра Вострикова зовут,— вызывающе сказала она.

— А меня Серафима.

Девушка Новиковой нравилась: было в ней-то что-то такое нахально-задорное, присущее только юности, что даже стало завидно. В силу своего молодого возраста она имела право на ошибку. Ошибка — это дар молодости, а вот у Симы этого права уже нет.

— Вы кофе с сахаром пьёте? — поинтересовалась Александра.

— Если честно, люблю со сливками, но не откажусь сейчас от любого,— призналась Серафима.

— Я счас,— повторила девушка, и через несколько минут перед Симой стояла чашка крепкого кофе со сливками.

— Вы подождите меня тут минут десять, я до гаража схожу, рядом,— сказал Усков.— Редакционная машина второй день в ремонте, сказали, что, может, к обеду сегодня сделают. Чем звонить — дойду, узнаю. В районе без машины беда.

— Беда,— согласилась Сима.

— А ты пока наши газеты покажи, займи гостью,— попросил Вострикову Николай.

— Не волнуйтесь,— кивнула головой золотоволосая девушка.— Вы пейте кофе, Серафима, а то, наверное, голова ещё гудит после вертолёта.

— Да нет,— искренне сказала Новикова.— Небесное путешествие было необыкновенно красивым. Только вот жаль, что приехала я, получается, зря. Ваш журналист, с которым мы договаривались встретиться, погиб. Соболезную вам. Надо было нам сообщить в Красноярск, чтобы зря не летели.

— Нет, не зря вы прилетели, нельзя было вашу командировку в Бочаны отменять,— Шура смотрела на Серафиму пристально.— Мне бы Димка этого не простил.

— Димка — это Дмитрий Сероглазов? — уточнила Сима.

— Да, он. Мы дружили, работали вместе. Он классный друг был, настоящий.

— Я понимаю.

— Нет, вы не понимаете,— горячо зашептала Шура.— Никник — он хороший редактор районки, добрый человек, только он вам ничего не сказал и не скажет. Он под пятой! Слабый он.

— Под какой пятой, и что он мне должен сказать?! И вообще, журналист должен правильно формулировать свои мысли, отсюда и вопросы будут толковые,— спокойно сказала Сима.

— А вы считайте, что я бестолковая, чокнутая, местная сумасшедшая! И образования у меня журналистского нет, я после школы сюда пришла на месяц поработать, да на три года и задержалась.

— Хорошо,— согласилась Серафима.— Сумасшедшие тоже в нашем деле нужны, без них жизнь в газете скучна. Только я не пойму: чем я могу помочь?

Серафима внутренне одёрнула себя. Что за манера сразу кидаться в бой и предлагать помощь? Ну, случилось несчастье, погиб журналист Сероглазов, деревом его придавило, в жизни такое, к сожалению, бывает. Тебе тут больше делать нечего, Серафима Павловна! Жаль, что вертолёт летает раз в неделю, придётся несколько дней погулять по лесу, подышать свежим воздухом, ну и написать материал про Бочаны с названием «Точка на карте» и успокоиться. Успокоиться!

— На самом деле я нормальная; во всяком случае, нормальной некоторых.

— Я так и поняла,— примирительно сказала Сима.

— Нет, вы не поняли,— продолжала настаивать девушка.— Диму убили. Подло убили. Я в этом уверена.

